

Карпович-Скопинцева Вероника Кирилловна

аспирант кафедры белорусской филологии
и зарубежной литературы
Минский государственный
лингвистический университет
г. Минск, Беларусь

Veranika Karpovich-Skopintseva

PhD Student of the Department of Belarusian
Philology and World Literature
Minsk State Linguistic University
Minsk, Belarus
6010beettlejuice2109@mail.ru

ХУДОЖЕСТВЕННОЕ ВОПЛОЩЕНИЕ ТЕМЫ ТВОРЧЕСТВА И ПОИСКА ИДЕНТИЧНОСТИ В РОМАНЕ ХАИМА ПОТОКА «ДАР АШЕРА ЛЕВА»

REPRESENTATION OF THE THEME OF CREATIVITY AND SEARCH FOR IDENTITY IN CHAIM POTOK'S NOVEL *THE GIFT OF ASHER LEV*

В статье рассматриваются жанровые особенности романа Х. Потока «Дар Ашера Лева», в котором автор обращается к теме творчества и влияния культурных и религиозных аспектов на творческую деятельность главного героя, выросшего в еврейской общине Нью-Йорка. В результате анализа сюжетной структуры и тематического содержания романа раскрыт его мультикультурный аспект, что позволяет отнести данное произведение к особой модификации романа о художнике, в которой темы творчества и поиска идентичности неразрывно связаны с проблемами религиозных норм и культурных традиций.

К л ю ч е в ы е с л о в а: *роман о художнике; идентичность; еврейская литература США; Хаим Поток; феномен мультикультурализма.*

The article examines the genre-specific features of C. Potok's novel *The Gift of Asher Lev*, in which the author addresses the theme of art and the influence of cultural and religious aspects on the creative activity of the main character who grew up in a Jewish community in New York. As a result of the analysis of the novel's plot structure and thematic content, the multicultural aspect of the novel is revealed, which allows to classify it as a special modification of *Künstlerroman*, where the themes of creativity and search for identity are inextricably linked to the issues of religious norms and cultural traditions.

Key words: *Künstlerroman; identity; American Jewish literature; Chaim Potok; the phenomenon of multiculturalism.*

Хаим Поток родился в США в семье иммигрантов из Польши и был старшим из четверых детей. Он оказал значительное влияние на формирование современной еврейской прозы в Соединенных Штатах, став первопроходцем в создании многосторонних образов американских евреев-хасидов. Х. Поток был удостоен премии Эдварда Льюиса Валланта, а также номинирован на Национальную книжную премию. Он получил как светское, так и религиозное образование, что отразилось на специфике

его творчества, которое, как отмечает О. Карасик-Апдайк, явилось важным вкладом в исследование взаимосвязи ортодоксального иудаизма с американской реальностью, поднимая актуальные вопросы взаимодействия традиционных ценностей и современных условий жизни [1, с. 106].

В 1972 г. вышел роман Х. Потока «Моё имя – Ашер Лев» (*My Name Is Asher Lev*). В жанровом отношении его можно определить как роман о художнике (*Künstlerroman*), так как в центре повествования находится талантливый мальчик еврейского происхождения, который по мере взросления сталкивается с противоречиями между своим стремлением к творчеству и традициями религиозной общины. Ашер Лев ищет баланс между своим даром художника, который требует от него самовыражения и творческой свободы, и ожиданиями окружающих, приверженцев традиционных ценностей и верований. Все мысли, переживания, страдания, горести и печали главный герой выражает в своем художественном творчестве. В 1990 г. Хаим Поток пишет продолжение этого романа – «Дар Ашера Лева» (*The Gift of Asher Lev*). Его главным героем также является Ашер Лев, но теперь это состоявшийся мужчина среднего возраста, который проживает с женой Деворой и детьми Рошель и Аврумель на юге Франции. Из-за смерти любимого дяди Ицхака Ашер возвращается в Бруклин, к своим родителям и общине. Вскоре после похорон он узнает, что его дядя на протяжении многих лет тайно собирал произведения искусства и создал ценную коллекцию, которую после своей смерти завещал Ашеру.

Целью данной статьи является рассмотрение того, как в произведении Х. Потока «Дар Ашера Лева» жанровые константы романа о художнике актуализируются с учетом его этнокультурной составляющей. Основное действие романов «Моё имя – Ашер Лев» и «Дар Ашера Лева» разворачивается в Нью-Йорке, так как именно в этом городе находится одна из крупнейших еврейских общин. Это обусловлено тем, что в конце XIX – первой половине XX века евреи стали переселяться из Европы в США, где они не подвергались дискриминации и имели возможность открыто исповедовать свою религию, оставаясь полноправными гражданами. Именно в Нью-Йорке находятся центры многих иудейских течений, в том числе хасидизма – широко распространенного народного религиозного движения, возникшего в восточноевропейском иудаизме во второй половине XVIII века и существующего в наши дни [2, с. 199]. Самая большая хасидская община находится в Бруклине (район Нью-Йорка), и именно в этом районе разворачиваются действия нескольких произведений, Х. Потока, в том числе романов «Моё имя – Ашер Лев» и «Дар Ашера Лева».

В обоих произведениях автор раскрывает тематику, связанную с жизнью еврейской общины в США. Так, в романе «Моё имя – Ашер Лев» описывается то, как отец главного героя помогал евреям-мигрантам, пострадавшим в результате событий Второй мировой войны. Таким образом, из-за работы отца в жизни мальчика постоянно появляются новые лица со своими уникальными историями. Роман «Дар Ашера Лева» рассказывает о печальных событиях из детства жены Ашера, Деворы, а также его друзей, знакомых и коллег еврейского происхождения. На примере воспоминаний Деворы о ее прошлом можно сопоставить и проанализировать различия и культурные особенности жизни евреев в послевоенный период в двух странах – США и Франции. Развитие сюжета позволяет сделать вывод о том, что в США евреи-мигранты получили те свободы, которые были недоступны им в других странах: «возможность выбора места проживания, сферы деятельности, образования и в то же время свободу вероисповедания и соблюдения обрядов без страха за собственную жизнь» [1, с. 102].

Отдельного внимания заслуживает рассмотрение темы искусства в контексте иудаизма. Как уже было упомянуто выше, роман «Дар Ашера Лева» можно отнести к жанровой парадигме *Künstlerroman*, однако в отличие от классических примеров романа о художнике акцент в нем сделан на этнической составляющей идентичности героя-художника. Ашер Лев стремится к творческому воспроизведению действительности средствами живописи, однако в иудаизме искусство имеет свои особенности и основная его задача – быть средством понимания и постижения истинной сути вещей и служение Богу. Например, одним из проявлений искусства в иудаизме может быть пение на семейных трапезах, танцы на праздниках и т. п. Таким образом, заниматься творческой деятельностью разрешается, если человек осознает, что он не является творцом, а выступает лишь средством выражения вдохновения и замыслов Истинного Творца. Фундаментом иудаизма служит единая Священная Книга – Танах (аббревиатура-акроним, в которой согласные являются начальными буквами названий трех частей канона: Тора – Закон, или Учение; Невиим – Пророки; Кетувим, или Ктувим, – Писания [3, с. 3]). Изобразительное искусство, где доминирует «я» художника, противоречит заповедям Торы, так как истинный творец – это Единый Бог, а художник сам является Его творением. Как отмечает Н. Ю. Раевская, изобразительное искусство в иудаизме строго контролируется и ограничивается. Такое отношение к искусству объясняется второй из десяти заповедей, данных Моисею на горе Синай: «Да не будет у тебя божеств чужих пред Моим лицом.

Не делай себе изваяния и никакого изображения того, что на небе, вверху, и что на земле, внизу, и что в воде, ниже земли. Не поклоняйся им и не служи им...» (Шмот (Исх.) 20: 3–6) [4, с. 286].

Несмотря на то, что Ашер Лев – верующий еврей-хасид, кульминацией его творческой деятельности в романе «Моё имя – Ашер Лев» становится выставка работ, где главным полотном является картина с изображением распятия Иисуса Христа. В то же время на протяжении столетий «евреи избегали Иисуса и его евангелий. И хотя Святая земля и его родина тоже, евреи в нынешнем Государстве Израиль не хотят ничего знать о христианстве, даже признавать его существование. Эта неприязнь к образу Иисуса проистекает преимущественно из страха перед многовековым антисемитизмом, царившим в Европе, где распятие Христа использовалось как предлог для гонений на евреев» [5]. Кроме того, иудаизм отрицает любые изображения божества согласно установлению Торы: « “И берегите себя очень ради душ ваших, ибо не видели вы никакого образа в день, когда говорил Господь вам на Хореве из среды огня...” (Дварим (Втор.) 4: 15)», следовательно, образ Бога «не предполагает воплощения в материальных средах в силу своей нематериальности» [6, с. 208]. В этом контексте картина Ашера Лева, на которой он изобразил «Бога гоев», т. е. тех, кто по вере или национальности не принадлежит к евреям, – результат внутренней борьбы и проявление определенной смелости. Тем более, что на одной картине с изображением Иисуса Ашер не остановился, в романе «Дар Ашера Лева» он создает вторую картину с изображением распятия Иисуса, и именно эти два полотна считаются самыми успешными в его карьере художника.

Помимо борьбы с религиозными предрассудками, главный герой в романе «Дар Ашера Лева» сталкивается и с творческим кризисом. Он – успешный и узнаваемый художник, однако со временем Ашер теряет вдохновение, пытается создавать новые полотна, но получает нелестную критику на выставке своих работ: *In Paris in the winter of last year I had a show, and the critics were disappointed and angry. I was repeating myself, they said; it was all getting too easy for me: the superlative technique, the resplendent avant-garde flourishes, the virtuoso renderings of color and line. Le Monde called it “Rococo Expressionism” and “a false continuity”, mired in technique and treading dangerously the paths of a potentially mawkish sensibility* [7, p. 4]. Критики отзываются о работах Ашера как о чем-то устаревшем, повторяющемся, акцентируют внимание на том, что Ашер больше не способен к новым открытиям и способам выражения своего художественного «я», что он остается в рамках уже изведенного. Автор поднимает здесь одну

из ключевых проблем творчества, получившую отражение и в художественной литературе, когда личный, узнаваемый стиль художника со временем может привести к предсказуемости и цикличности тем и образов. Следует отметить, что тема творческого кризиса затрагивается во многих романах о художниках, например, «Луна и грош» (1919) У. С. Моэма, «Жажда жизни» (1934) И. Стоуна, «Unless» (2002) К. Шилдс.

Роман о художнике трудно представить без выразительных описаний произведений искусства, которые в литературоведении имеют определенное терминологическое обозначение – *экфрасис*. В «Литературной энциклопедии терминов и понятий» под редакцией А. Н. Николюкина экфрасис определяется как «словесное описание рукотворного предмета, будь то храм, дворец, чаша, статуя или картина» [8, с. 721], а, по мнению Г. С. Зуевой, экфрасис в романе о художнике выступает и как художественный прием, и как жанровый признак [9, л. 12]. В романе Х. Потока «Дар Ашера Лева» можно найти различные примеры экфрасиса, которые не только усиливают визуальную составляющую текста, но и обогащают его эмоциональный контекст, позволяя читателю более объемно воспринимать художественные и культурные реалии, понимать внутренние конфликты персонажей, связанных с миром искусства. Примечательны включенные в художественную ткань романа Х. Потока описания картин таких всемирно известных художников, как Анри Матисс и Поль Сезанн: *On the walls were a Matisse landscape of the south of France done nearly in the full spectrum of Matisse's palette: cadmium red, purple red, emerald green, Prussian blue, cobalt blue, ultramarine, cadmium yellow, ochre, burnt sienna, black, zinc white; a Cézanne oil on canvas of Mont Sainte Victoire seen through and over a line of tall leaning cypresses* [7, p. 54]. На специфику использования экфрасиса влияет и мультикультурная составляющая романа. Например, осматривая коллекцию картин умершего дяди, герой обращает внимание на портрет духовного лидера общины евреев-хасидов, Ребе: *The painting was based on a photograph; the Rebbe did not sit for oil paintings. It showed the Rebbe seated at a table, his right hand raised in greeting, his left hand resting on a white cloth. His beard was white. He wore a dark suit and a dark hat. His eyes were sharp, clear: eyes that looked. The Rebbe in the painting was twenty years younger than the Rebbe in the synagogue* [7, p. 29]. Посредством сопоставления подобных произведений с «нерелигиозным» искусством автор создает условия, в которых можно проследить контрасты и параллели между религиозной и светской эстетикой. Важным моментом в романе выступают различия в восприятии произведений искусства героями, которые являются представителями одной веры. Ашер Лев

обладает более современным и либеральным взглядом на искусство, который включает в себя возможность интерпретации и переосмысления религиозных норм. В то же время большинство представителей его общины имеют традиционные взгляды на творчество, продиктованные религиозным учением. Таким образом, в романе раскрывается конфликт между традицией, религией и современным искусством, когда художник не хочет быть ограничен религиозными нормами. Художественное самовыражение Ашера Лева вызывает острые споры внутри еврейской общины, ставя вопрос о возможности сосуществования искусства и иудаизма.

Рассматривая тему искусства, следует отметить, что истинное искусство в романе Х. Потока – это не только навык, который дает возможность перенести изображение из воображения художника на холст, но и выражение его эмоций, жизненного опыта и личных качеств. Герой романа рассуждает: *Art happens when what is seen becomes mixed with the inside of the person who is seeing it. If an exciting new way of seeing an old object results, well, that's interesting, isn't it? That's the beginning of serious art* [7, p. 146]. Упоминание в романе работ трех известных художников – Анри Матисса, Амедео Модильяни и Пабло Пикассо – подчеркивает идею автора о том, что искусство – это индивидуальное видение человека, ведь один и тот же объект может иметь на холсте абсолютно разную форму, и внешняя его форма неразрывно связана с внутренним миром и мировоззрением творца: *“Here are the different ways three great modern artists would have seen and drawn the same person. The first one is an artist named Matisse.” I wrote his name on the blackboard. Over the name I drew in a single continuous line with blue chalk the face of Miss Sullivan. It leaped, instantly recognizable, from the chalk onto the black-board. There was a stirring throughout the room, and murmurs of surprise and recognition. “The second is by an artist named Modigliani.” “The third artist is Picasso”* [7, p. 146]. Индивидуальная особенность Ашера Лева, в свою очередь, заключается в том, что он воспринимает реальность сквозь призму своей культуры и религии. Вместе с тем герой, тонко чувствуя страдания окружающих, в частности, своей матери, приходит к тому, что необходимые для художественного воплощения своих идей темы и мотивы он находит в другой (христианской) культуре: *I painted suffering, and there are no motifs in Jewish art that I could use as an instantly recognizable aesthetic vessel for the depiction of my mother's anguish during all the years my father traveled for the Rebbe and I journeyed for my art. I wanted to put her pain into my painting. I needed an aesthetic mold that immediately said: Body and soul in protracted*

solitary torment. I wanted ... I needed ... I required ... [7, p. 115], и это позволяет говорить о том, что романы «Моё имя – Ашер Лев» и «Дар Ашера Лева» можно отнести к особой – мультикультурной – модификации романа о художнике. Автор подчеркивает ограниченность традиционных религиозных и эстетических рамок, которые не совпадают с внутренним миром и эмоциями главного героя, ведь для него творчество – это не только результат в виде готового полотна, но и процесс, в ходе которого он выражает свои тревоги, печали, переживания, радости и огорчения. Передача своих мыслей и переживаний через творчество – это и есть одна из составляющих идентичности Ашера Лева, и именно это не признается его семьей и общиной, усложняя взаимоотношения Ашера с окружающим миром.

Экфрасис является не единственным примером взаимодействия искусств в романе «Дар Ашера Лева», в нем присутствуют также и отсылки к музыкальному искусству: *In the case of Anton Bruckner, it is sometimes difficult to make a distinction between 'establishing an individual style' and 'repeating oneself – unlike the Asher Lev exhibition currently on view at the Maeght, where the latter judgment is clearly the more judicious one* [7, p. 4]. Сравнение с композитором А. Брукнером создает параллели между музыкальным и визуальным искусством, таким образом автор затрагивает проблему взаимодействия языков различных видов искусства в системе единого художественного целого [10, с. 4].

В контексте тематики искусства и образа художника следует отметить значимость заголовка романа, смысл которого раскрывается только к концу произведения. На первый взгляд может показаться, что автор романа при помощи заглавия намеревался акцентировать внимание на феноменальных творческих способностях главного героя. Однако по мере развития сюжета читатель осознает, что истинным «даром» Ашера Лева является его сын, Аврумелъ. В ходе развития сюжета духовный предводитель религиозной общины приходит к осознанию необходимости выбора преемника, и наиболее подходящей кандидатурой для этой роли является его помощник и отец Ашера, Арье Лев. Тем не менее Ребе сталкивается с проблемой: он не может назначить Арье преемником до тех пор, пока у самого Арье не будет достойного наследника. Ашер не подходит на эту роль, поскольку его творчество, включающее изображения распятия Иисуса Христа, делает его неподходящим кандидатом. Вместе с тем именно сын Ашера, Аврумелъ, и является тем самым «даром» главного героя, на которого возлагаются большие надежды в качестве будущего религиозного лидера общины.

Финал романа остается открытым для интерпретации. Х. Поток не дает ответа на вопрос, возглавит ли Аврумелъ религиозную общину, ведь мальчику одинаково интересно и проводить время в мастерской отца, и изучать религию. Аврумелъ может следовать религиозному пути, который ему предложен, либо посвятить свою жизнь искусству так же, как и его отец. Таким образом, автор акцентирует внимание на проблеме выбора между культурно-религиозным аспектом и индивидуально-творческой самореализацией, гармоничное сосуществование которых не представляется возможным в изображенном в романе культурном контексте. Сам Ашер Лев, не имея ясного понимания того, как следует распорядиться ценной коллекцией своего покойного дяди, завещает ее сыну, таким образом, заглавие романа обретает еще одно, связанное с искусством, значение.

Подводя итоги, можно сделать вывод о том, что помимо темы искусства в романе «Дар Ашера Лева» не менее важным является отражение в нем феномена мультикультурализма, а именно существования религиозной общины евреев-хасидов в контексте христианской культуры американского общества. Таким образом, в отличие от классических примеров *Künstlerroman*, тема искусства в романе «Дар Ашера Лева» перестает быть доминирующей и органично переплетается с темами религии и культуры, поиска идентичности. Изображая истории американцев еврейского происхождения, автор раскрывает сложные эмоциональные состояния и переживания представителей еврейского народа в военный и послевоенный период, роль религии в жизни людей и сложности, с которыми они сталкиваются в поисках себя.

ЛИТЕРАТУРА

1. Карасик-Андайк, О. Современная еврейская проза США / О. Карасик-Андайк // Литература двух Америк. – 2021. – №10. – С. 100–134.
2. Карасик, О. Б. Другая Америка: еврейская община Нью-Йорка в романе Хаима Потока «Избранник» / О. Б. Карасик // Учен. зап. Казанского университета. – 2010. – Т. 156, №2. – С. 198–205.
3. Синило, Г. В. Библия и мировая культура : учеб. пособие / Г. В. Синило. – Минск : Выш. шк., 2015. – 685 с.
4. Раевская, Н. Ю. Еврейское искусство в зеркале иудейских и христианских средневековых источников / Н. Ю. Раевская // Вестн. Русской христианской гуманитарной академии. – 2019. – Т. 20, №3. – С. 285–294.

5. Лехаим : [сайт]. – М., 2019–2025. – URL: <https://lechaim.ru> (дата обращения: 17.03.2025).
6. Раевская, Н. Ю. Иудаизм: Бог и его образ / Н. Ю. Раевская // Вестн. Русской христианской гуманитарной академии. – 2014. – №2. – С. 208–217.
7. Potok, C. The Gift of Asher Lev / C. Potok. – Minnesota : Fawcett Books, 1997. – 384 p.
8. Тимашева, О. В. Парнас / О. В. Тимашева // Литературная энциклопедия терминов и понятий / Ин-т науч. информ. по обществ. наукам РАН ; гл. ред., сост. А. Н. Николюкин. – М. : Интелвак, 2001. – Стб. 720–721.
9. Зуева, Г. С. Живописный экфрасис как способ создания образа героя-художника в прозе Дины Рубиной : дис. ... канд. филол. наук : 10.01.01 / Зуева Галина Сергеевна ; Тамб. гос. ун-т им. Г. Р. Державина. – Тамбов, 2018. – 177 л.
10. Тишунина, Н. В. Западноевропейский символизм и проблема синтеза искусств : опыт интермедиального анализа / Н. В. Тишунина. – СПб : Изд-во РГПУ им. А. И. Герцена, 1998. – 159 с.

Поступила в редакцию 25.03.2025